

Михаил ЭПШТЕЙН – Ольга БАЛЛА-ГЕРТМАН

«ГЛАВНЫЕ ПОНЯТИЯ – ЭТО ИМЕННО ТО, ЧТО МЫ МЕНЬШЕ ВСЕГО ПОНИМАЕМ»

Интервью к выходу книги «Первопонятия. Ключи к культурному коду»¹

Философ, филолог, теоретик культуры, эссеист Михаил Эпштейн снова издал неожиданную книгу, сопротивляющуюся укладыванию в рамки. Формальная жанровая принадлежность у неё есть – это словарь, излюбленная автором форма систематизации мысли. Такую форму, как помнит читатель, Эпштейн избрал даже для своих, общих с Сергеем Юрьененом воспоминаний о юности: «Энциклопедия юности» (М.: ЭКСМО, 2017). Кроме того, ему принадлежат примерно две трети статей в каждом из двух выпусков Проективного философского словаря (Алетейя, 2003, 2020) и авторский «Проективный словарь гуманитарных наук» (НЛО, 2017).

Однако словарь перед нами на сей раз – особенный. То, что приведено в нём в простую алфавитную систему, сам автор называет «первопонятиями», они же «ключи к культурному коду». Родственные «вечным» вопросам: подобно им, первопонятия принципиально ускользают от окончательных и чётких формулировок. И тоже вечны? Они – столько же понятия, сколько и стимулы к формированию таковых, их подземные – потому что скрытые от полного и ясного осознания – корни. И это при том, что интуитивно – если не вникать – они кажутся вполне понятными, благодаря чему составляют основу мышления не (только) философского, а самого что ни на есть повседневного, – которая, как это свойственно основам, обыкновенно, в повседневном режиме, не замечается, принимаясь за очевидность.

Такую ситуацию автор во введении к книге проясняет притчей: «...самое известное, – говорит он, – оказывается самым таинственным. Об этом есть притча у американского писателя Дэвида Уоллеса: «Плывут две юные рыбки, а навстречу им рыбка постарше, кивает и говорит: “Привет, ребятки, ну, как вода?” Рыбешки плывут дальше, а немного спустя одна спрашивает другую: «Что ещё за “вода”?»».

«Эта книга, – говорит Эпштейн далее, – приглашение к тому, чтобы “увидеть воду”». Среду (питательную) обитания собственной мысли и, шире, – внутренней жизни. Да ведь отчасти и внешней...

Сам автор видит особенность первопонятий в их смысловой энергии: наибольшее выражено в наименьшем. Эти предельно емкие по смыслу и предельно сжатые по выражению единицы мышления обладают властью над общественным сознанием и формируют знаковый код, определяют бытие человека в культуре.

О способах увидеть воду и о путях, которые к ним привели, мы и говорим с автором.

О. Б.-Г.

Ольга Балла-Гертман: *Михаил Наумович, предлагаю начать разговор о вашей книге с возникновения замысла. Казалось бы, о (некоторых) рассматриваемых в книге концептах (скажем, «мышление», «реальность», «сознание»...) философы высказывались многократно (о некоторых – нет, но то особый разговор); чувствуется даже соблазн отнести их к гиперинтерпретированным. В чём отличие Вашего подхода к ним от – радикально говоря – всего, что было прежде?*

¹ М.: КоЛибри, 2022. – 720 с.

Михаил Эпштейн: Не только названные вами, – но и «жизнь», «смерть», «любовь», «совесть», «мудрость»... Все они «гиперинтерпретированные». На то они и первопонятия. Мысль из них исходит, на них опирается. Но именно их привычность и самоочевидность мешают их понимать. Так Аврелий Августин испытал потрясение, когда вдруг осознал свое непонимание такой простой вещи, как «время», – и посвятил его объяснению значительную часть своей «Исповеди».

Вот и я, как исходную установку, признаю свое непонимание этих больших понятий. Для меня главное – не рассматривать их в рамках какой бы то ни было уже сложившейся философской системы или научного метода (как, скажем, рассматривается сознание у Гегеля или в современной когнитивистике), а раскрыть проблемность данного понятия. Чем оно удивляет? Почему оно, определяя столь многое, само ускользает от определения? Как художник остранивает привычные вещи, представляет их загадочными, так я пытаюсь оstrarивать понятия. Сократ говорит у Платона: «Философу свойственно испытывать изумление. Оно и есть начало философии» («Теэтет»). Опыт оживления, проблематизации первопонятий возвращает философию к ее началу. Философия – это не демонстрация ума, это прежде всего эмоция изумления.

О.Б.-Г.: *Названное мной было просто примерами. – Сразу же хочется спросить: а не мешало ли вам при выявлении и формулировании собственного (не)понимания, становящегося пониманием то, что уже наговорено о них поколениями предшественников? Или, может быть, напротив, помогало?*

М.Э.: Мешает или помогает ветер парусным гонкам? Это условие их возможности. Важно так поворачивать парус, чтобы кораблик двигался вперед, даже если дует встречный ветер. Мышление всегда происходит в мыслительной среде, через диалог с другими мыслителями. В работе с первопонятиями я, естественно, вступаю в разговор с множеством философов и писателей. Если судить по указателю имен, чаще всего это Платон, Аристотель, Кант, Гете, Гегель, Ницше, Фрейд, русские классики, включая поэтов. А также словари, прежде всего этимологические.

Но «Первопонятия» – не компендиум цитат, не энциклопедический словарь и не лингвистическое исследование. В предисловии подробно обсуждается специфика первопонятий и жанр книги, включая сходства и различия с «Вечной философией» Олдоса Хаксли, «Ключевыми понятиями» Рэймонда Уильямса и «Константами» Юрия Степанова. В целом у меня меньше цитат, чем в этих книгах, в среднем – семь-восемь на каждую из шестидесяти статей. Моя задача – вскрыть проблематику каждого понятия, исходя из его внутренних противоречий и из логики тех жизненных ситуаций, где эти понятия востребованы и служат смысловыми ориентирами.

О.Б.-Г.: *Насколько можно видеть, в собеседники себе об этих предметах Вы выбираете преимущественно – почти исключительно – мыслителей западной, прежде всего европейской традиции (русских я, конечно, сюда причисляю). Упоминания представителей иных традиций: японской, китайской, индийской... – по существу единичны. Не складывается ли таким образом ситуация, что в книге рассматриваются не общеантропологические константы, но (всего лишь) то, как видит их человек, сформировавшийся в поле влияния Афин, с одной стороны, и Иерусалима – с другой?*

М.Э.: Разумеется. Хотя в начале 1980-х я почти два года изучал китайский язык на частных уроках с выдающимся китаеведом академиком Б.Л. Рифтиным, я никак не мог бы профессионально размышлять о понятиях «судьбы» или «вины» в китайской культуре. Более того, если бы я взялся писать об этих понятиях на доступном мне английском, это были бы совсем другие статьи, начиная с их заглавий. По-английски судьба – это «fate» и

«destiny», вина – «guilt», «fault», «blame», так что нужно было бы выбирать и уточнять, о чем именно идет речь. В отличие от математического языка количеств, поистине универсального, понятия, выраженные словами, так или иначе привязаны к языку, ноосфера пропущена через лингвосферу. Вероятно, только искусственный разум будет когда-нибудь способен на универсальные культурологические исследования, и не знаю, насколько они будут содержательными.

О.Б.-Г.: *Можем ли мы в таком случае сказать, что перед нами теперь – карта смыслового опыта русского европейца (или лучше – русского американца?) с изначальным русским языковым опытом и вторичным, но основательным языковым опытом английским? (Ведь именно язык водит человека по всем обозначенным вами смысловым путям, правда? Он определяет их траектории и конфигурации?) А может быть (и не в первую ли очередь?) – втайне от читателя – смысловая автобиография автора?*

М.Э.: «Карта смыслового опыта русского американца»? Да, конечно. Можно было бы добавить: «белого гетеросексуального мужчины» (смайл). Но под эти характеристики подпадут и Набоков, и Бродский, и Лев Лосев, и Александр Генис, и Марк Липовецкий, и еще десятки, если не сотни авторов из той же среды, – а смысловой опыт и его воплощение в текстах у них очень разный, так что вряд ли такая спецификация позволяет их объяснить. «Смысловая автобиография автора» – это ближе к сути. Тем более что недавно у меня вышло сочинение «Автоноография» (не «био», а «ноо», от «нус», разум) – это автобиография некоторых *идей*, как они складывались в личном опыте (например, как по облигациям внутреннего займа, которые я в детстве проверял вместе с дедушкой, у меня сложилась идея государства).

Но «Первопонятия» – это другое. Это попытка проблемно-концептуального описания понятий, ключевых для ментальной картины мира, таких как «жизнь» и «смерть», «ум» и «безумие», «время» и «вечность», «реальность» и «ничто». Особенность первопонятий – их смысловая энергия: *наибольшее выражено в наименьшем*. Минимальный знак, одно-единственное слово, включает в себе максимум мыслительного содержания. Ю.С. Степанов полагал, что количество таких первопонятий, или, как он их называл, «констант», невелико, четыре-пять десятков, а между тем духовная жизнь всякого общества состоит в значительной мере в операциях с ними. Я думаю, их больше, порядка 120–150. Примерно половину из них я попытался описать.

О.Б.-Г.: *А отчего же только половину? Значит ли это, что проект будет иметь продолжение?*

М.Э.: Думаю, что нет. Поначалу я хотел включить в эту книгу и ряд других понятий: Бог, добро, зло, справедливость, техника, личность, счастье, радость, мир, ненависть, подлость, боль, грех, благодарность, красота, действие, язык, свобода, прощение, разум, истина, неизвестное... В черновиках эти статьи у меня остались, но время и терпение истощились. Ну было бы в этой книге не 60, а 80 первопонятий... И так она получилась толстой, больше семисот страниц. Какой смысл множить материю?

О.Б.-Г.: *Смысл множить осмысленную материю, по моему скромному разумению, очень даже есть. Внутри себя мне захотелось, признаюсь, медленно и долго подумать о таких первопонятиях на венгерском материале. И кстати: сколько лет ушло у Вас на собирание этого словаря?*

М.Э.: Около сорока лет. Самые ранние фрагменты, относящиеся к первопонятиям «вещь», «дом», «игра», «образ», «тоска», написаны в конце 1970 – начале 1980-х годов.

О.Б.-Г.: *Вижу, «малое» в числе первопонятий есть, а вот антонима его (если оно в мире первопонятий, конечно, антоним) – «великого» – нет. Как же без великого?*

М.Э.: Там для многих понятий нет антонимической пары. Например, есть *чистота*, но нет *грязи*. Есть *будущее*, но не *прошлое*. *Новое*, но не *старое*. *Легкость*, но не *тяжесть*. *Ум*, но не *глупость*. *Вечность*, но не *время*. *Душа*, но не *бездушие*. *Глубина*, но не *поверхность*. Дело в том, что понятие часто определяется через свою противоположность. И если я говорю об уме или чистоте, то тем самым выявляется и сущность глупости или грязи. Во всех этих статьях много говорится и о «второпонятиях», парных с первопонятиями. В каждой паре один из элементов бывает семантически более активным, как бы фигурой по отношению к фону. *Новое* активно отношению к *старому*, *чистота* по отношению к *грязи*, *ум* по отношению к глупости, *малое* по отношению к *большому*, которое воспринимается как норма, данность, точка отсчета. Не случайно в русском языке такую активную роль играют уменьшительные суффиксы. Большой сад – это просто *сад*, а маленький сад – это *садик* или *садочек*, морфологически выраженная, семантически отмеченная форма. Поэтому я выбираю активное понятие, а уже по отношению к нему вырисовывается и его антипод. В статье «Вечность» много говорится о времени, в статье «Судьба» – о свободе. Таким образом, в книге подробно обсуждаются и понятия, не вошедшие в заглавия статей, – но они учтены в Предметно-тематическом указателе.

О.Б.-Г.: *Кстати, не пытались ли вы (нет ли у вас в замыслах) написать – проживши большую жизнь в английской языковой среде – такой, то есть совсем другой, словарь по-английски? И: изменилось ли ваше личное чувство рассмотренных в книге предметов – той же «судьбы», «вины»... – когда ваш языковой опыт расширился за счёт английского?*

М.Э.: Нет, даже мысли такой не возникало. Сочинять новые английские слова, или словопонятия – с удовольствием, и некоторые даже имеют успех и входят в язык, по крайней мере, в области гуманитарных наук (у меня есть на английском такая книжка «PreDictionary» – «ПредРекатель», словарь неологизмов). Тут помогает детский, неискушенный взгляд со стороны – дети ведь тоже прирожденные словотворцы, пока их в школе не научат, что правильно, а что неправильно. Но для того чтобы писать о первопонятиях, наиболее укорененных в данном языке и национальном сознании, – для этого нужно всю жизнь прожить в языке и проникнуться его огромной литературой, системой ассоциаций, многообразием стилей. К тому же, на английском уже немало таких книг, написанных первоклассными специалистами, и мой маленький опыт тут ничего не прибавил бы.

Но вы правы: в работе над русскими первопонятиями английский языковой опыт постоянно учитывался. Например, когда я писал о душе, о душевности, задушевности, то думал об английских эквивалентах этого понятия или об отсутствии таковых; и это помогало не только выделять русскую специфику, но и двигаться за ее предел, к более универсальным смыслам. Точно так же с понятиями «образ», «пошлость», «тоска».

О.Б.-Г.: *Мне почему-то кажется, что в этом поиске универсалий изнутри собственного культурно детерминированного человеческого опыта вам очень помогла передача «Недетский детский вопрос» израильянина Дмитрия Брикмана, в которой дети ставят взрослых перед такими вот коренными вопросами, и на них надо отвечать – ведь детям же! – не прячась за учёность, а некоторым образом напрямую. Правда?*

М.Э.: Совсем нет, хотя приятно было бы так думать. Мне очень понравилась эта передача (я участвовал в ней в 2018 году) – она даже вдохновила меня на книжку

«Детские вопросы. Диалоги» (М.: ArsisBooks, 2020), за которую я глубоко благодарен Дмитрию Брикману, поскольку он щедро передал мне несколько сот накопленных им детских вопросов, – а я уже стал на них отвечать. Но замысел «Первопонятий» возник гораздо раньше. Еще в 2015 году я предлагал издательству «Никея» книгу под названием «Понятия, которыми мы живем», или, в другом варианте, «Философия неопределимых понятий» – но договор не был заключен. А задолго до того, в первый мой год в Америке (1990), я разработал план книги «Russian Concepts», именно по-английски, где собирался представить самые характерные понятия русской и советской культуры англоязычному читателю, в том числе «почва», «душа», «судьба», «правда», «целостность» (всего 126). Тогда мы даже собирались написать совместную «понятийную» книгу с Александром Генисом, но он прекрасно справился без меня в своей «Американской азбуке». А я свою «Русскую азбуку» по-английски так и не написал.

О.Б.-Г.: *И – (отчасти) выходя за пределы тематического круга, очерченного книгой: всё время думается о том, что в нынешней кризисной ситуации – которая, по моему разумению, несомненно означает смену культурных матриц, – может предложить философия и гуманитарное знание близкому к отчаянию человеку. Вот на такой вопрос что бы вы ответили?*

М.Э.: Вы как будто подсмотрели, что у меня на письменном столе, точнее, в компьютере. Как раз сейчас я заканчиваю книгу под заглавием «От Библии до пандемии. Поиск ценностей в мире катастроф». Туда входит эссеистика последних десяти-пятнадцати лет. Объединяющий мотив этих текстов – именно тот, который вы назвали: что гуманистика, этика, теология могут предложить человеку, проходящему сейчас долиной смертной тени (библейский образ)?

О.Б.-Г.: *А на каком языке пишется книга – по-русски или по-английски? (А вообще – на каком языке вам лучше думается? – или они разграничивают между собой области влияния?)*

М.Э.: «От Библии до пандемии» – это сборник эссе, которые я писал и публиковал на русском (хотя некоторые выходили и по-английски). Мне лучше думается и пишется по-русски (в отличие от Набокова, у меня не было с младенчества английской гувернантки). Но многие свои соображения я проверяю их мысленным английским переводом – насколько они избавлены от случайных причуд моего родного языка и поддаются иноязычному выражению, то есть критерию объемности, объективности. Недаром нам даны парные органы: глаза, уши – чтобы воспринимать мир объемно, в двух проекциях. Так и с мышлением на двух языках. Пишу ли я на русском или английском, эти языки взаимодействуют в моем сознании, отчего приставка *co-*, как знак *co-язычия*, получает дополнительный смысл.